

SCRIPTA MANENT
Рукописи не горят. Рецензии

ВООРУЖЕННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО И РОССИЙСКО-ЗАПАДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Allison, Roy. *Russia, the West, and Military Intervention*. Oxford: Oxford University Press, 2013. 308 p.

Allison, Roy. *The Russian case for military intervention in Georgia: international law, norms and political calculation*. / *Georgia: Revolution and War* / Ed. by Rick Fawn. London; New York: Routledge, 2014, pp. 90-117.

Allison, Roy. *Russian 'deniable intervention' in Ukraine: how and why Russia broke the rules* // *International Affairs*, 2014, vol. 90, no. 6, pp. 1255-1297.

Эллисон Р. Россия, Запад и вооруженное вмешательство. Оксфорд: Оксфорд Университи Пресс, 2013.

Эллисон Р. Российские аргументы в поддержку военного вмешательства в Грузии: международное право, нормы и политический расчет. В кн.: Грузия: Революция и война / Под ред. Рика Фона. Лондон - Нью-Йорк: Изд-во Раутледж, 2013. Сс. 90-117.

Эллисон Р. «Оспоримое вмешательство» России на Украине: как и почему Россия нарушила правила / Интернэшнл Аффферз. 2014. Т. 90. № 6. Сс. 1255-1297.

Изучению отношений России со странами Запада посвящен значительный объем современной научной литературы, но последние труды британского исследователя сотрудника Оксфордского университета Роя Эллисона стоят в этом ряду особняком. Они затрагивают самый важный и болезненный аспект этих отношений – проблему вооруженных интервенций. С одной стороны, в повестке дня отношений России и Запада есть массив вопросов,

по которым позиции сторон соприкасаются и даже совпадают. К ним можно отнести борьбу с терроризмом и производством наркотиков, нераспространение оружия массового уничтожения, переговоры по ядерной программе Ирана. С другой – каждый раз острая полемика между сторонами начинается именно тогда, когда в фокусе внимания оказываются случаи вооруженного вмешательства, как это было, например, в случае с Косовом в 1999 году,

Афганистаном в 2001-м, Ираком в 2003-м, Грузией в 2008-м, Ливией в 2011-м, наконец, Украиной в 2014-м.

После Второй мировой войны вооруженная интервенция рассматривалась преимущественно как инструмент соперничества великих держав в тех странах третьего мира, которые не вполне определились с тем, к которому из двух полюсов влияния примкнуть. Тем не менее после завершения межблокового противостояния проблема использования иностранных вооруженных контингентов для разрешения конфликтов в других странах осталась такой же болезненной и острой и так же сильно отравляла двусторонние и многосторонние российско-западные связи, как и прежде. Разночтения по данному вопросу послужили в конечном итоге причиной переживаемой сегодня самой глубокой конфронтации России и Запада с момента окончания «холодной войны».

В этом смысле исследования Р. Эллисона, посвященные изучению феномена вооруженных интервенций, несомненно, актуальны и своевременны, поскольку позволяют яснее понять природу антагонизма между постсоветской Россией и Западом. В качестве теоретической основы изучения проблемы вооруженных интервенций Р.Эллисон применяет инструментарий английской школы теории международных отношений. Она, по мнению автора, дает возможность выявить главную причину противоречий — различия в трактовках норм международного права и роли международного сообщества при их выработке и имплементации. Страны Запада занимают *солидаристскую* позицию, подчеркивая преобладающее значение универсальных ценностей и прав человека, сквозь призму которых рассматривается и само международное право. Россия же, напротив, придерживается *плюралистской* парадигмы, делая упор на кодифицированные принципы и нормы международного права, включая такие их ценностные основания, как суверенитет, невмешательство во внутренние дела государства и его территориальная целостность. Одновременно автор под-

вергает критике *геополитические* исследования, не способные, с его точки зрения, объяснить флуктуации повестки дня в отношениях между Россией и Западом.

Фундаментом представлений России и Запад о международных отношениях и международном праве, по словам Эллисона, являются различные концептуально-философские презумпции. Для Запада это, прежде всего, справедливость (*justice*), а для России — порядок (*order*), основу которого составляет «концерт великих держав», но отнюдь не равенство суверенитетов. В последнем случае международное право выступает лишь в качестве инструмента регулирования конкуренции за сферы влияния. Р. Эллисон объясняет такое положение вещей тем, что российская элита впитала многие советские мировоззренческие стереотипы, воспроизводя их во внутри- и внешнеполитической практике. Доктрина «нового мышления» М.С. Горбачева не смогла закрепиться в российских правящих кругах, довольно быстро уступив место реставрации концепций, сформированных в эпоху «холодной войны»: с начала 1990-х годов все более значимое место в риторике официальной Москвы стала занимать тема восстановления в ранге «великой державы».

Одним из обоснований притязаний России на этот статус, продолжает Эллисон, становится её лидерство на постсоветском пространстве. Уже к середине 1990-х годов Россия стала определять Содружество независимых государств как зону своих «особых интересов». На этом основании, полагает британский автор, российские власти пытались не допустить конкуренции своему влиянию в регионе со стороны других стран. Москва постоянно отвергала любые идеи относительно более широкого международного состава миротворческих сил в конфликтах на постсоветском пространстве. Р. Эллисон хочет убедить читателя на примере Грузии, Молдовы и Армении в том, что миротворчество стало для России главным инструментом легитимизации своего влияния. Подобная стратегия Москвы давала повод странам Запада

для решительного осуждения российского стиля миротворческих операций, так как зачастую на практике кроме российских вооруженных сил никаких других иностранных контингентов в зоне конфликтов СНГ не было, а соглашения о присутствии миротворческих сил заключались *post factum* уже после принуждения противоборствующих сторон к прекращению огня.

Однако Р. Эллисон подчеркивает, что лидерство Москвы на пространстве СНГ никогда не было безусловным, так как само это пространство сильно фрагментировано, а долгосрочные интересы политических элит этих стран часто не совпадают с интересами Кремля. Одним из наиболее спорных сюжетов являлась и продолжает оставаться проблема вооруженной интервенции. Например, России не удалось добиться принятия резолюции СНГ об осуждении действий НАТО в Косове в 1999 году. Безусловную поддержку по этому вопросу Москва получила только у Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и Киргизии – союзников по ОДКБ. Такая же картина наблюдалась и в 2001 г. в Афганистане. Российское руководство в тот момент поддержало позицию США, но было обеспокоено тем, что вмешательство осуществлялось в граничащую с СНГ страну, и поэтому отстранилось от участия в проведении военной операции. Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, напротив, оказали кампании серьезную поддержку, предоставив НАТО доступ к авиабазам, а Казахстан даже отправил в Афганистан свой контингент.

В ходе последовавших конфликтов в Ираке, Грузии, Ливии и Украине Россия также не смогла заручиться консолидированной поддержкой своей позиции в рамках СНГ. Шансы на такую поддержку заметно уменьшились после «цветных революций» в Грузии и Украине, а также событий «арабской весны» 2011 года. С одной стороны, авторитарным центрально-азиатским лидерам импонировала реакция Москвы, которая восприняла смену режимов путем общественных протестных акций как вызов. С другой – они в равной степени опасались усиления влияния

Москвы, так как ее интеграционные инициативы в сфере безопасности воспринимаются как угроза власти правящих элит.

Различия между Россией и Западом в трактовке норм международного права в ходе вооруженных конфликтов определяет атмосферу отношений между ними. Первым серьезным случаем непонимания между сторонами Р. Эллисон считает военную операцию НАТО в Косове в 1999 году, когда страны Запада выступили с намерением принять в Совете Безопасности ООН резолюцию с санкцией на интервенцию. Россия рассматривала данную операцию как угрозу системе международного права, хотя ранее с ее участием Совет Безопасности ООН одобрил гуманитарные интервенции в Боснии, Сомали, Руанде, Гаити и Сьерра-Леоне. Каждый этот случай трактовался как исключение, а не как новая норма международного права.

В 2001 г. позиции Запада и России относительно вооруженной интервенции в Афганистан совпали. Москва согласилась с формулировками, которые позволяли международной коалиции применить силу в Афганистане против Талибана. Но с самого начала, как пишет Эллисон, эта солидарность маскировала существенные отличия в приоритетах и определении террористической угрозы. Российское руководство настаивало на том, что между Чечней и Афганистаном существует взаимосвязь и пыталось встроить ее в контекст глобальной борьбы с терроризмом, однако на Западе эта идея не получила широкой поддержки. Отчасти это обуславливалось и тем, что в отношении Чечни Россия исключала какую-либо возможность многостороннего международного участия. Кроме того, перечни стран-пособников терроризма у США и России сильно различались. Например, США считали таковыми Сирию, Иран, Кубу, КНДР, Ливию, с которыми Россия поддерживала хорошие отношения.

Однако настоящим камнем преткновения в вопросе легитимности вооруженной интервенции стала война в Ираке 2003 года. Р. Эллисон даёт негативную оценку

концепции превентивной войны администрации Дж. Буша, которая не имела нормативного обоснования и противоречила критериям необходимости и пропорциональности. Между тем Россия, действуя достаточно практично, по сути, приняла этот дискурс. Дело в том, что подход США к превентивности ослаблял международно-правовые ограничения для использования военной силы и был привлекателен для России с точки зрения обеспечения ее интересов в СНГ. В тот момент Москва заявила о своем праве на самооборону со стороны чеченских отрядов, в отношении которых может предпринимать меры, даже если они находятся на территории другого государства. Речь, разумеется, шла о Панкисском ущелье в Грузии.

Противоречия между Россией и Западом только усугубились после российско-грузинской войны 2008 г. и присоединения Крыма в 2014 года. Конфликт 2008 г. Р. Эллисон квалифицирует как первую наступательную военную операцию Москвы с момента окончания «холодной войны». Он анализирует аргументы официального дискурса России, которые сопровождали эту операцию, и находит в них серьезные противоречия, утверждая, что российской аргументации случаев вооруженной интервенции в целом свойственны инструментализм и избирательные трактовки норм международного права. Например, Россия неоднократно заявляла, что операция в Грузии — это операция по принуждению к миру, хотя в Концепции внешней политики РФ 2008 г. было сказано, что только ООН имеет право на такие операции. Мандата Совета Безопасности ООН у России не было. Для проведения военной операции Россия кооптировала язык гуманитарной интервенции в противоречие тому, как она реагировала на предыдущие интервенции Запада. Действия грузинских войск

в Цхинвали были квалифицированы российским руководством как геноцид, и на этом основании позже была признана независимость Южной Осетии и Абхазии. Таким образом, Россия поставила свою интерпретацию права на самоопределение выше принципа территориальной целостности. Такая логическая последовательность была использована и в случае с Крымом в 2014 году.

Изложение и интерпретация Эллисоном позиции Москвы в каждом из обозначенных казусов лишь подчеркивает различие дискурсов и идейно-нормативных оснований российских и западных подходов к проблемам мировой политике. Очевидно, что дальнейшее развитие отношений между Западом и Россией будет зависеть от того, насколько сторонам удастся прийти к *общему пониманию этих проблем*, в частности проблемы вооруженной интервенции. В этом последнем вопросе позиции сторон совпадают лишь эпизодически и секторально. Отсюда — редукция многих исследований в этой области к задаче поиска формулы сохранения геополитического status quo по линии Россия-Запад. При таком ракурсе вне поля зрения остается проблема повышения эффективности международного права при урегулировании вооруженных конфликтов и гуманитарных кризисов. Очевидно, с такой постановкой вопроса Россия будет согласна не меньше, чем страны Запада. Труды Р. Эллисона позволяют посмотреть под новым углом зрения на эти сюжеты и нащупать путь к согласованному пониманию узловых проблем современных мировых проблем, а значит — к стратегическому улучшению отношения между Россией и Западом.

*Игорь Грецкий,
кандидат исторических наук*